

ПАТРИОТИЗМ И ЕГО ОТСУТСТВИЕ: БИТВА ЗА ПАРИЖ — 1814

Дахин Александр Николаевич,

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии
Института физико-математического и информационно-экономического образования
Новосибирского государственного педагогического университета,
г. Новосибирск, e-mail: dakhin@mail.ru

В статье представлены военно-педагогические размышления автора относительно патриотизма как фактора, влияющего на ход и результаты войны, достижение победы в боевых действиях. Историческим фоном для авторского повествования служит битва за Париж, развернувшаяся на заключительном этапе бурной эпохи наполеоновских войн — в 1814 г. Автор представляет своё собственное видение классических вопросов стратегии и тактики, соотношения войны и политики, отношений между политиками и полководцами. Данная статья не является историческим исследованием в строгом смысле этого слова, её нельзя рассматривать как разработку по тактике или стратегии. Автор стремится отобразить военно-исторический материал, представляющий несомненный военно-профессиональный интерес, в педагогической трактовке, адаптированной для восприятия аудиторией современных российских курсантов. Историко-педагогическая реконструкция военно-политических событий более чем двухсотлетней давности позволяет провести параллели между различными историческими эпохами, подталкивает читателей к самостоятельным размышлениям над историческим опытом наших предков. Реализуя поставленные перед собой цели, автор высказывается по ряду дискуссионных военно-философских вопросов, связанных с ситуацией выбора в политике и военном деле, проблемой свободы воли в воинской деятельности, с ролью личности и народных масс, объективным и субъективным в историческом процессе. Содержание материала, предлагаемого читателю, заставляет задуматься о сложности процессов формирования исторического сознания.

Ключевые слова: стратегия, тактика, патриотизм, исторический опыт, восприятие истории, Наполеон Бонапарт, М.И. Кутузов, Г.В. Жомини, О. Мармон.

Недалеко от Монмартра, на Парижском бульваре Клиши находится памятник защитникам заставы в 1814 г. Распространённой является точка зрения, что Париж сдался союзным войскам — русской, австрийской и прусской армиям — почти без боя. Припоминается даже эпизод предательства и вероломства, вошедший в историю и во французский язык как «рагуза», так как главным действующим лицом несостоявшейся обороны города был герцог Рагузский, он же маршал Мармон. Однако жители Парижа вряд ли будут лукавить перед самими собой. Видимо, героизм всё-таки был. Есть и знаменитая картина обороны заставы Клиши, когда в бой вступил лично маршал Монсей (рис. 1). В пояснении к ней сказано, что собрались в этом районе Парижа немногие плохо организованные защитники

столицы при двух орудиях с расчётами из ветеранов, сапёры инженерных войск, солдаты и офицеры когорт первого и второго легионов войск Национальной гвардии, а также беглецы из района Монмартр. Артиллерийским и оружейным огнём Монсей встретил авангардные части русского корпуса генерала А.Ф. Ланжерона и оставил их, правда, ненадолго.

Приведём ещё один пример, вызывающий даже не удивление, а, скорее, недоумение. Какой бы правитель-победитель ни вступал в Париж, жители всегда встречали его ликованием. Генерал Бонапарт, бесславно завершивший свой египетский поход, возвратился в Париж — парижане ликовали. Его разгромили в 1814 г. — парижане опять ликуют! Даже написаны картины прохождения оккупационных войск по улицам Парижа (рис. 2).

▲ *Рис. 1. Маршал Монсей при защите заставы Клиши. Картина французского художника Ораса Верне, 1820 г.*

▲ **Рис. 2.** Вхождение союзной армии в Париж у ворот Сен-Дени.
Картина художника А.Д. Кившенко

Изгнанный победителями на остров Эльба Наполеон высаживается во Франции и доходит до столицы — всё то же ликование. Свергли императора окончательно и произошла реставрация Бурбонов — опять всеобщий восторг.

Всё это наводит на размышления и вызывает желание разобраться в событиях 1814 г., свидетельствующих то ли о патриотизме французов, то ли о его отсутствии. Постараемся извлечь уроки из французской истории, из ошибок и просчётов её деятелей.

Данная статья не историческое исследование и уж, конечно, не разработка по тактике или стратегии. Автор стремится отобразить военно-исторический материал (представляющий несомненный военно-профессиональный интерес) в педагогической трактовке,

адаптированной для восприятия аудиторией современных российских курсантов [1, 3].

Итак, собственно штурм французской столицы союзниками состоялся 30 и 31 марта. Однако имеет смысл описать обстановку, сложившуюся вблизи столицы Франции к тому времени. Для нас это важно по двум причинам: во-первых, это поможет понять логику стратегических решений того или иного военачальника; во-вторых, даст возможность сопоставить эти решения с событиями кампании 1812 г. Здесь возможны аналогии, показывающие, что «русское оружие» кое-чему научило французских полководцев в вопросах ведения современного по тем временам боя. Возможно, эти примеры пригодятся для патриотического воспитания современных российских курсантов.

*Рис. 3. М.И. Голенищев-Кутузов.
Портрет работы Р. Волкова. 1813 г.*

Вспомним, что Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (рис. 3) дополнил военное искусство европейцев своими идеями, блестяще реализованными в процессе манёвров у Тарутина, Малоярославца и др., приведших в итоге к разгрому Великой армии французов. Именно поэтому «Сей идол северных дружин, Мститый страж страны державной, Смиритель всех её врагов, Сей остальной из стаи славной Екатерининских орлов» вошёл в мировую военную историю, а с лёгкой руки А.С. Пушкина — и в классическую литературу.

На наш взгляд, Наполеон Бонапарт воспользовался опытом М.И. Кутузова, повторив его манёвры уже во Франции, снискав себе славу величайшего полководца, а проведённая им кампания 1814 г. почему-то считается триумфом его

военного гения [4]. Но об этом чуть ниже.

Немного предыстории

К началу 1814 г. союзники обладали численным превосходством после довольно-таки тяжёлых боёв кампании 1813 г., проходившей за пределами Франции. Однако в начале года Силезская армия Г.Л. фон Блюхера и Главная Богемская армия князя К.Ф. фон Шварценберга вступили на территорию Франции. Казалось бы, после битвы при Ла-Ротьер судьба империи была решена. Но внезапно император Наполеон перешёл в решительное контрнаступление. Сначала он разбил Силезскую армию Блюхера. Она, конечно, не была уничтожена полностью, но понесла значительные потери; после этого император стремительно атаковал Богемскую армию, и Шварценберг вынужден был отступать с тяжёлыми боями. Такого смелого манёвра от Наполеона никто не ожидал, и союзники пребывали в растерянности. Однако, оправившись от поражения, Блюхер всё же перешёл в очередное наступление. Но Наполеон прижал его Силезскую армию к городу Суассон, что на реке Эне, и это при том, что у императора войск было в 3 раза меньше, чем у союзников.

Есть историки, которые считают эти стремительные манёвры Наполеона шедевром его военного гения.

Однако в данном успехе даже невооружённым взглядом видна и проблема, сопровождавшая французские войска в тот исторический период. Дело в том, что бесконечные марши выматывали армию, и без того потрёпанную в сражениях. Союзникам оставалось только методично наносить удары французам с разных сторон и просто ждать, когда боеспособность противника иссякнет вне зависимости от обстановки на оперативном уровне, потому что в данном случае число не победить уменьем. Изнурительные марши сделали своё дело, на что и рассчитывало союзное командование, обладая численным перевесом сил.

Случай помог Блюхеру избежать полного разгрома. Так получилось, что успешно взятый русским генералом Александром Чернышёвым город Суассон уже через пять дней был оставлен его войсками, что чуть не привело к катастрофе. Французы снова заняли его и создали угрозу для коммуникации корпуса Ф.Ф. Винцингероде и всей Силезской армии Блюхера. Город защищал гарнизон, состоявший в основном из польских войск в количестве 1600 человек. Эта угроза, после того как Блюхер был разбит Наполеоном в серии сражений, создавала опасность полного разгрома пруссаков, без всякой возможности содействия со стороны барона Винцингероде, поскольку единственный мост через р. Эну

находился именно в городе Суассон. В этих условиях русские и пруссаки вступили в переговоры с новым комендантом города, бригадным генералом бароном Жан-Клодом Моро. Адъютант прусского генерала Бюлова и русский подполковник В.И. Левенштерн сумели убедить Моро согласиться на почётную капитуляцию, и французские войска с оружием и знаменами покинули город. Блюхер провёл остатки своей армии по мосту города Суассон и соединился с Винцингероде. Нам остаётся только догадываться, в какую бешеную ярость впал Наполеон Бонапарт, подошедший со своей армией к Суассону, планируя окончательно разгромить Блюхера. Заметим, что комендант Суассона — просто однофамилец Жан-Виктора Моро, генерала Первой французской республики, главного противника А.В. Суворова в период его знаменитого Итальянского похода.

Далее события разворачивались не в пользу французов. В ряде сражений при Краоне и Лаоне Наполеону не удалось разгромить армию Блюхера, французы лишь немного её потеснили. Тогда император бросает войска на армию Шварценберга, однако в битве 21–22 марта при Арси-сюр-Об ему пришлось отступить.

Наполеон понимал, что прямой атакой сейчас союзников не разбить, он решает двигаться от Парижа на восток, рассчитывая

получить подкрепление, что признаётся многими историками как гениальный манёвр. Следует заметить, что на границе Франции в то время было расположено много крепостей с соответствующими гарнизонами. Подкрепление могли организовать и крестьяне, которые уже были возбуждены ненавистью к оккупантам и жаждали мщения за грабежи и насилие. Поэтому у Наполеона была возможность поднять население на борьбу, призвать гарнизоны крепостей, перерезать коммуникации союзников и заставить их отступить. А что же Париж? Столицей пришлось бы пожертвовать. Не правда ли, прослеживается аналогия с кампанией 1812 г.? Однако есть отличие: Кутузову пришлось одному «отвечать за разбитые горшки» и сдать Москву без боя, совершив свой знаменитый тарутинский манёвр, то ли отступая, то ли угрожая Великой армии окружением. В 1814 г. судьбу столицы Франции решали многие исторические деятели.

23 марта союзники узнали об этом неожиданном манёвре французского императора и приняли решение идти за Наполеоном, чтобы не повторить ошибку гибели армии, занявшей в своё время древнюю столицу России. Будем и мы считать это заключение академичным, так как он всё же был главным командующим союзной армией и

не без основания опасался за свои тылы. Но опять вмешался случай, который был отнюдь не на стороне Наполеона. Вечером 23 марта казаки (как всегда, казаки!) перехватили курьера с письмом французского министра полиции Рене Савари своему императору. Там содержалось следующее: «Сир! ...Казна, арсеналы и склады пусты. Население обескуражено и недоволено. Все хотят мира любой ценой. Враги императорской власти поддерживают смуту среди народа, пока незаметную, но которая выйдет наружу, если императору не удастся удалить союзников от Парижа и увести их вслед за собой подальше от ворот нашей столицы».

Итак, в руках союзного командования оказывается такое важнейшее донесение. И они повторно 24 марта собирают военный совет. Здесь уместно назвать всех присутствовавших на этом совете: генерал М.Б. Барклай-де-Толли, генерал-квартирмейстер И.И. Дибич, генерал граф К.Ф. Толь, генерал-фельдмаршал К.Ф. фон Шварценберг и сам император Александр I.

Михаил Богданович Барклай-де-Толли заявил: «Мы не можем двигаться на Париж, не зная численность их гарнизона. Если Наполеон поднимет восток, мы будем отрезаны от путей коммуникации. Надо идти на соединение с армией Блюхера, то есть преследовать Наполеона, чтобы дать ему решительное сражение». К этой позиции

нашего российского полководца, кстати, получившего звание генерал-фельдмаршала за взятие Парижа, мы ещё вернёмся. Иван Иванович Дибич предложил разделить армию примерно пополам: одну часть отправить на Париж, вторую — за Наполеоном. Карл Фёдорович Толь считал, что нужно двигаться на Париж.

Александр I принял окончательное решение идти на Париж. Видимо, интуиция его не подвела, хотя риск потерпеть поражение на вражеской территории был большой, но история победителей не судит. Добавим, что Талейран, тайно служивший Александру I, также сообщал, что политическое могущество императора Франции ничтожно, у него осталось только военное могущество; надо идти на Париж, там вас ждут. Возможно, этот призыв и повлиял на окончательное решение, и для интуитивных размышлений нашлись политические основания.

Итак, союзная армия двинулась на Париж. По пути у местечка Фер-Шампенуаз под её удар попали два немногочисленных корпуса французских маршалов Э.А. Мортье и О. Мармона, шедших на соединение со своим императором, общей численностью около 25 тыс. человек, которые были отброшены к Парижу. На пути движения союзной армии оказался также отряд численностью 4600 человек под командованием генералов Пакто и Амэя. Этот отряд состоял из национальных гвардей-

цев и новобранцев, которые отважно вступили в неравный бой. Сначала союзники атаковали их 5-тысячной кавалерией, потом — 10-тысячной, к концу боя — 20-тысячной. Число невозвратных потерь у французов составило 4100 человек, среди них 3100 погибших и 1000 пленных. Удалось спастись только 500 французам.

Со стороны Франции в бою участвовали мальчишки, которым даже не успели выдать обмундирование. Наш поэт К.Н. Батюшков, участвовавший в том сражении, написал, что эти юноши дрались как львы. Союзники были удивлены отваге молодых французских солдат. Анри Уссе, французский историк, впоследствии написал, что «история войн эпохи революций не знала столь героической страницы, в эту удивительную кампанию бесстрашие солдат сравнилось с гениальностью их вождя». Да, у каждого народа есть свои «герои-панфиловцы».

Но вернёмся к маршу на Париж. Главная армия разгромила Пакто и Амэя, отбросила Мортье и Мармона, соединилась с армией Блюхера и двинулась к столице. Уже 29 марта императрица Мария-Луиза с маленьким наследником выехала из Парижа в замок Блуа. Её эскорт состоял из лучших офицеров Императорской гвардии, что произвело сильное деморализующее впечатление на всех жителей Парижа, которые в гнетущей тишине наблюдали, как доблестные воины покида-

ют столицу Франции в минуту грядущих испытаний. Это решение наместника императора в Париже Жозефа Бонапарта с точки зрения поддержания патриотического духа защитников Парижа было явно ошибочным.

29 марта российский император и король Пруссии приказали провести предварительный смотр союзных войск; это было в 9-ти км от Парижа. Прусский король впервые увидел свои войска в самом неприглядном виде. Солдаты были оборванные, грязные, небритые, а некоторые одеты во французские мундиры с наспех прикрепленными прусскими знаками отличия. Он в сердцах произнёс: «Плохо смотрятся, грязные люди». Поэтому для атаки Парижа пропустили более «чистых» солдат русской и австрийской армий. История не простила бы такого «неэстетичного» штурма обоим монархам.

В то время численность населения Парижа составляла почти 700 тыс., и он был вторым городом Европы после Лондона. Вокруг Парижа была построена большая «стена главных откупщиков», которая не представляла собой какое-то укрепление, а служила для взимания пошлины на ввозимые товары. Император решил не беспокоить местных жителей, поэтому не позаботился вовремя об укреплении города. В это время Наполеон находился в районе Витри и получал многочисленные донесения из раз-

ных провинций Франции примерно такого содержания: «Наш девиз — Отечество и Наполеон. Крестьяне требуют оружие. Народ жаждет отомстить за грабежи. Нам нужен только Ваш приказ. Мы подыдем Францию». Но дело в том, что у маршалов Нея, Бертье, Лефевра в Париже остались особняки, жёны, дети, родственники, материальные ценности. И маршалы категорично заявили: «Сир! Это будет Ваша ошибка. Надо спасти Париж». И Наполеон вынужден был им уступить — он уже был несвободен в принятии решения. 29 марта французы вступили в Труа. Наполеон не выдержал и без свиты поскакал в Париж верхом.

Атака Парижа

Имеет смысл вспомнить, какие силы обороняли Париж. Это был корпус Мармона, который за 90 дней провёл 63 боя. В его состав входили несколько дивизий, численность которых говорит сама за себя. Дивизия Рикара — 726 человек, состояла из 15 полков, человек по 50 в каждом. Дивизия Лагранжа — 1395 человек. Дивизия резерва Арриги — 1250. Вместе с кавалерией и корпусом Компана, как говорится, «с бору по сосенке», Мармон набрал всего 12 340 человек. На левом фланге под командованием маршала Мортье находился корпус численностью около

11 000 солдат, включавший пехотные дивизии Императорской гвардии генералов Мишеля, Буайе де Реваля, Шарпантье, Кюриала, Кристиани. Сводный кавалерийский корпус дивизионного генерала Белльера состоял из 6-й драгунской дивизии генерала Русселя д'Юрбаля, депо кавалерии Императорской гвардии бригадного генерала Дотанкура; всего примерно 3000 сабель.

Всего регулярных войск в Париже было 24 380 человек, плюс к этому 12 000 человек Национальной гвардии. Здесь уместно пояснить, что эту гвардию составляли обыкновенные горожане: суконщики, башмачники, буржуа, банкиры, студенты Политехнической школы, курсанты, пожарные, которые надели на себя мундиры и примерно понимали, как заряжать ружье. Гвардейцы не имели необходимого вооружения и даже использовали охотничьи ружья и пики. Итак, всего 40 тыс. человек при 154 пушках достаточно крупного калибра. Армия союзников численностью 118 тыс. двигалась со стороны замка Бонди.

На рассвете 30 марта части 14-й пехотной дивизии генерала Гельфрейха заняли Ромельвиль и Пантен. Однако французские войска Компана, Буайе и Ледрю встречным ударом отбили эти районы пригорода Парижа. Таким образом, счёт открыли французы, а союзники, имея значительный перевес сил, умудрились первую схватку проиграть.

К 9 часам дивизии Кюреаля и Шарпантье примкнули к левому флангу Мармона. У Пантена Барклай-де-Толли усилил войско Гельфрейха двумя дивизиями и кирасирами. Однако успех русских был кратковременным. Крупнокалиберные орудия французов били «от души» и остановили штурмующих. После этого войска Евгения Вюртембергского были усилены гренадерами Чоглокова (4500 штыков) и прусско-баденской гвардейской бригадой Альвенслебена (3600 штыков). В итоге союзники захватили Роменвильский лес. В 11 часов французские части Мармона (12 000 человек) вновь атаковали Роменвиль, Пантен и Роменвильское плато и отбили Роменвильский лес.

После 11 часов на поле боя стали прибывать главные силы Силезской армии. Между 12 и 13 часами войска Мезенцева выбили части Арриги из Монтрейля. Российским войскам удалось отбросить правый фланг Мармона к самому Парижу. Ожесточённый бой развернулся за Пре-Сен-Жерве, в результате которого французам удалось остановить и отбросить русские части.

К 15 часам все выдохлись, и генерал Альвенслебен взял Пантен, выбив оттуда обливающиеся кровью войска дивизии Кюреаля. Но когда они попытались развить успех и вышли из этой деревни, то попали под фланговый огонь артиллерии бригады Бигаре и были отброшены

▲ *Рис. 4. Мармон Огуст Фредерик Луи — маршал Франции. Портрет работы Ж.-Б. Герена*

обратно к Пантену. Участник боя вспоминал: «Наши позиции были выгодные. У нас было много крупнокалиберных орудий, которые буквально пронзали густые колонны вражеской пехоты, ядра убивали и калечили по 10 человек сразу. Несмотря на нашу малую численность, победа стоила им дорого».

Маршал Мармон (рис. 4) повёл в атаку 300 солдат (это маршал Франции!) вместе с генералами Пельпором и Мейнайдые. Рядом с маршалом падали солдаты. Левая его рука была раздроблена и висела на перевязи, а на правой руке были раздроблены большой и указательный пальцы.

Примерно в это время Мармон получил от Жозефа Бонапарта записку: «...Если удержать город будет

сложно, можете его сдавать. Все полномочия передаю Вам, а сам уезжаю из Парижа в Блуа».

Александр I отправил своего адъютанта Михаила Фёдоровича Орлова для ведения переговоров о перемирии. «С бою или парадным маршем, на развалинах или во дворцах, но Европа должна нынче же ночевать в Париже», — напутствовал его император. Александр понимал, что у них есть только один день, пока Наполеон в пути.

Впоследствии Михаил Орлов рассказывал:

«Первый человек, которого я встретил на передовой цепи французских стрелков, был маршал Мармон. Он стоял со шпагой в руке, ободряя разреженные батальоны. Вид он имел отважный и воинственный. Но печальное лицо обнаруживало... заботу человека государственного, на котором лежит огромная ответственность. Опасность была крайняя, каждая минута была дорога. Слова герцога были сильны и коротки:

— Я герцог Рагузский, кто Вы?

— Я полковник Орлов, флигель-адъютант Его Величества Императора Всероссийского, который желает спасти Париж для Франции и мира.

— Это также наше желание, единственная надежда, без этого всем нам осталось бы только умереть здесь. Условия ваши?

— Огонь остановить, войска французские тотчас отвести за

укреплённые заставы. Назначить комиссию для переговоров о сдаче Парижа.

— Согласен. Я буду ждать вас с герцогом Тревизо [маршал Мортье. — *Прим. авт.*] у Пантенской заставы. Итак, к делу. Прекратим, не мешкая, огонь вдоль всей линии».

После 5 часов вечера стороны договорились о перемирии. Но одна прусская батарея продолжала обстрел Парижа. Французский капитан-парламентёр сказал, что прусская батарея продолжает стрелять. На это пруссаки ответили, что французская батарея тоже продолжает вести огонь. Всем вдруг стало понятно, что если одна сторона будет стрелять, потому что стреляет другая, то стрельба никогда не кончится. Эти глубокомысленные рассуждения вызвали смех, и в конечном итоге стрельба прекратилась.

На следующий день союзные войска вступили в Париж. Открывал марш лейб-гвардии казачий полк, потом появились монархи, а за ними примерно тысяча штабных генералов и офицеров. Дело в том, что к штабу примкнули многие желающие: медики, тыловики из провиантского ведомства (один из них даже в ночном колпаке) и др. Но их не стали прогонять. По армии объявили приказ, что нельзя вступать в Париж без сапог, в тапочках-сабо тоже нельзя, категорически запрещено входить во французских мундирах, хотя некоторые прусские

солдаты надели именно их, нацепив кое-какие собственные знаки отличия.

В 11 часов монархи въехали через заставу Пантен. Народ высыпал на улицы и встречал оккупантов гробовым молчанием. Люди просто мрачно смотрели им вслед. Однако дальнейшее никто не мог предвидеть. Вспомним, что в 1802 г. тогда ещё первый консул Наполеон Бонапарт отдал удивительное по своему благородству распоряжение. Он разрешил вернуться всем эмигрантам, и 150 тыс. человек приехали во Францию. Пока Наполеон был силён, все его приветствовали и готовы были служить ему верой и правдой. Так, Нарбон — внебрачный сын Людовика XV — стал генерал-адъютантом Наполеона. Но «белые всегда останутся белыми». Несколько десятков юношей из эмигрантской среды вышли навстречу союзной армии. Эта золотая молодёжь была перевязана белыми шарфами, в белых перчатках, во фраках. У ворот Сен-Дени они стали кричать: «Да здравствует Александр! Да здравствуют союзники!», и началось ликование эмигрантов.

После того как русские казаки атаковали английского офицера, не разобравшись в мундирах, по союзной армии был отдан приказ: надеть на левую руку белую повязку, чтобы отличать своих. Видимо, эту идею Александру подсказал далеко не враг Бурбонов.

▲ **Рис. 5.** Уличная сценка.
Казаки в компании парижанок.
Рисунок Г.Э. Опица

Парижские буржуа и местные жители тоже сообразили, что белый — это «наш» цвет. И стали вывешивать из окон белые флаги и даже простыни. Париж покрылся белым цветом, и все стали приветствовать государя Александра I и прусского короля Фридриха Вильгельма III.

Александр I на изысканном французском языке отвечал:

— Я пришёл к вам не как враг, а чтобы принести вам мир!

Ему в ответ:

— Какой красивый император!

Одна экзальтированная роялистка вскочила на стремя коня и стала обнимать императора Александра. Царь галантно помог даме спуститься. Этому примеру последовали другие девушки, которые стали вскакивать на коня императора. Даже уди-

вительно, как на нём сохранился мундир!

Войска прошли маршем до Елисейских полей. Многие молодые парижанки просили офицеров посадить их рядом с собой на коня.

Одна роялистка обратилась к офицеру союзных войск и попросила его:

— Молодой господин, возьмите меня с собой на коня.

Между ними произошёл такой диалог.

Девушка спросила:

— Скажите, пожалуйста, а где здесь король Пруссии?

— Он справа от меня, мадам.

— А где фельдмаршал Блюхер?

— Он слева от меня, мадам.

— А где князь Шварценберг?

— Это я, мадам.

Жители Парижа ждали грабежей, погромов, насилия, как вдруг входит чистая, аккуратная армия, да ещё с белыми бурбоновскими повязками, и все искренне обрадовались окончанию войны (рис. 5). Генерал Арман де Ля Уссе написал: «В 1814 году ещё не понимали преимущество пустых улиц и закрытых окон. Любопытство взяло верх».

Но имелось и другое отношение к этому восторгу. Республиканец Беранже вспоминал: «С высот балконов одна тысяча или тысяча двести сторонников Бурбонов (возможно, число это преувеличено) отвечали на вежливость победителей. А были и такие, которые кида-

лись на колени перед их начальниками, в то время как из окон махали белыми платками. Крики энтузиазма, громкие восторги приветствовали эту армию, удивлённую подобной экзальтацией. Так жалкое стадо из нескольких трусливых французов растоптало перед иностранными завоевателями 25 лет нашей славы. Охваченный негодованием рабочий класс взирал с изумлением на это внезапное изменение».

Любопытны наблюдения уже известного нам штабного русского офицера В.И. Левенштерна. Он был из очень богатой семьи и мог позволить себе пригласить молодого роялиста в ресторан «Роше де Канкаль», который находился немного в стороне от центра Парижа. Молодой человек любезно согласился проводить Левенштерна и его друга, но как только молодые люди отъехали от центра, роялист снял белую кокарду, пояснив, что это уже другой район города и здесь носить белое небезопасно. (Кстати, на троих они потратили в ресторане 150 франков, что в современном эквиваленте составляет примерно 3000 евро.)

Здесь уместно вспомнить хрестоматийные строки А.С. Пушкина:

*«И скоро силою вещей
Мы очутились в Париже,
А русский царь главой царей».*

«В лучшей ресторации у славного Вери мы ели устрицы и запивали

их шампанским за здоровье нашего государя», — вспоминал Константин Батюшков, к запискам которого мы уже обращались. Кстати, ресторан Вери, расположенный в Пале-Рояле, упоминается в поэме А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Зарецкий, секундант Ленского, — большой любитель шампанского — имел такое обыкновение:

*«Чтоб каждым утром у Вери
В долг осушать бутылки три».*

1 апреля Наполеон поблагодарил защитников Парижа за доблестное сражение. Но курьеры доложили императору, что парижане встретили союзников ликованием. Это был тяжелейший удар по психике Наполеона, он даже изменился в лице. Вокруг Фонтенбло собралось около 60 тыс. французских войск. 3 апреля Наполеон построил свою гвардию и провёл смотр. «Солдаты, враг обогнал нас на три марша и захватил Париж. Его нужно выбросить оттуда. Недостойные французы и эмигранты, которых мы в своё время простили, надели белые кокарды и присоединились к нашим врагам. Труссы, они будут наказаны за эту гнусность! Поклянёмся же победить или умереть и заставить уважать наш трёхцветный стяг, который в течение 20 лет вёл нас по пути чести и славы». Ответом на эту речь был громовой крик: «Да здравствует император! На Париж!»

Полковник Кох описывал это движение в ночь с 3 на 4 апреля следующим образом: «Было что-то величественное и торжественное в этом молчаливом движении колонн. Слышен был лишь мерный язг сабель и штыков. Мужество отражалось на лицах солдат, прошедших столько битв. Под впечатлением только что произнесённой клятвы, вспоминая о 20 годах побед, они готовились с героическим самоотречением закончить свой жизненный путь под стенами или на развалинах столицы».

Молодой офицер Бургуэн рассказывал, что он не видел ни одного признака отчаяния в рядах французов; все были уверены, что император пойдёт вперёд и атакует союзную армию.

Но великая битва не состоялась. 4 апреля в кабинет императора вошли маршалы Ней, Лефевр, Макдональд, Мансей, Удино и объявили, что шансов на победу нет. Император мог позвать своих гвардейцев, и они бы арестовали маршалов. Но он понял, что начнётся гражданская война, и подписал условное отречение в пользу сына при регентстве Марии Луизы. Для маршалов это был идеальный вариант: Наполеона больше нет и войны больше нет, государственные структуры продолжают функционировать, всё государство остаётся и сохраняются их имущество, титулы и социальное положение. Коленкур, Ней и Макдональд по-

ехали на переговоры с Александром I.

В этот момент маршал Мармон с войском стоял у Эссона. К нему приехал один из роялистов Шарль де Монтеси, служивший в русской армии, и завёл следующую речь:

— Вы можете сыграть решающую роль в истории Франции и вернуть монархию. Будьте нашим Джорджем Монком, станьте великим герцогом Альбемарлем, только во Франции [Джордж Монк, 1-й герцог Альбемарль, реставрировал королевскую власть в Англии. — *Прим. авт.*]. Поведите себя как великий политик и верните на трон законную династию Бурбонов.

— А что нужно сделать, чтобы стать великим политиком? — уточнил Мармон.

— Для этого нужно всего лишь передвинуть ваш корпус в сторону Версаля.

И маршал согласился. Однако на переговоры в Париж Мармон поехал вместе с маршалами, видимо, чтобы знать, как будут развиваться события далее. При этом помощник Мармона дивизионный генерал Жозеф Суам повёл корпус на Версаль. Александр I принял маршалов ночью с 4 на 5 апреля.

Маршалы заявили, что вся армия будет сражаться за сына Наполеона, против возвращения Бурбонов. Они говорили так решительно, и это были героические личности, только что вышедшие из битвы, покрытые дымом и пылью этих сражений, что

император Александр I заколебался, поняв, что армия не может допустить возвращение королевской власти, столь далёкой от её чувств и славы. Александр точно уловил политическую конъюнктуру. К тому же граф Шарль-Андре Поццо ди Борго — представитель корсиканского клана, враждебного Наполеону, хотя и являющегося дальним родственником семьи Бонапартов, впоследствии генерал от инфантерии русской армии, убеждал царя: «Ваше величество, Вы видите, само провидение объявило свою волю. Более нет сомнений, надо требовать полного отречения узурпатора». Александр I предложил маршалам встретиться следующим утром в 9 часов и продолжить начатый разговор. Но к этому времени корпус Мармона уже перешёл на другую сторону, и русский император получил об этом известие. Итак, рассматривалось только безусловное отречение Наполеона. Маршалы налетели на Мармона, присутствовавшего на переговорах. Он только сказал, что это всё произошло без него, это сделал генерал Жозеф Суам.

— Я готов был отдать свою руку, чтобы этого не произошло! — оправдывался Мармон.

— Скажите лучше, чтобы Вы отдали свою голову предателя! — парировали маршалы.

В результате 6 апреля Наполеон подписал полное отречение.

Вместо заключения

Военные историки полагают, что союзная армия сильно рисковала во время битвы за Париж. Дело в том, что Наполеон мог бы вооружить от 40 до 50 тыс. рабочих. Его собственные силы составляли до 60 тыс., к тому же он контролировал всё плечо коммуникации союзной армии. Как долго она продержалась бы во вражеской столице? Именно на эти обстоятельства обращал внимание военного совета методичный Барклайде-Толли. Как видим, все основания для беспокойства у него были. А мы выполнили своё обещание прокомментировать его стратегически выверенную позицию военного, но не политика. Михаил Богданович, видимо, не читал Жомини и с шестым пунктом его военной доктрины не был знаком. В стратегическом плане более дальновидным всё же оказался император Александр I.

Далее воспользуемся некоторыми выводами Г.В. Жомини применительно к только что описанной ситуации [2, с. 7–11]. Автор считал, что искусство войны состоит из пяти чисто военных разделов и одного политико-дипломатического:

1) стратегии как искусства умелого вывода крупных войсковых группировок на театр боевых действий;

2) большой тактики как науки управления боевыми соединениями во время битвы;

3) логистики как инструмента рациональной организации снабжения, перемещения, распределения ресурсов с целью оптимизации затрат на обеспечение боеспособности армии;

4) инженерного искусства, эффективно решающего боевые задачи при атаке фортификационных сооружений противника, а также при обороне собственных укреплений;

5) простой тактики как основы знаний вопросов управления отдельным подразделением в бою.

Ещё один существенный раздел (признанный далеко не всеми) относится к политике и искусству дипломатии, имеющим отношение к войне. Именно на этом маршал Мармон подорвал свой героизм и вошёл в историю Франции как коварный предатель великого императора.

Чему же научил нас опыт Наполеона? Можно было бы сказать, что он послан в этот мир, чтобы учить полководцев и политиков, чего им следует избегать. Его победы учат всех тому, чего можно достичь отважной активностью, волевой храбростью и профессиональным мастерством, а его провалы красноречиво указывают на те ошибки, которые можно и не допустить при некотором благоразумии.

Народ в своей массе совсем даже неоднороден. Правитель может нравиться одним и вызывать негодование у других. Более того, в минуты славы этого правителя любят многие, если не все. А поражение всегда презираемо. И здесь нет противоречий с народными патриотическими настроениями. Народ всегда прав, хотя иногда и меняет своё отношение к политическим лидерам, потому что поддерживает только сильно-го. Наивно полагать, что патриотизм — это служение личности или культу какого-то индивида. Люди готовы служить и любить Отчизну, в каком бы состоянии она ни была. Такова человеческая природа.

Литература

1. *Дахин А.Н.* Моделирование результатов военно-профессионального образования // Гуманитарные проблемы военного дела. — 2016. — № 4 (9). — С. 77–82.
2. *Жомини Г.* Стратегия и тактика в военном искусстве / пер. с англ. Л.А. Игоревского. — М.: Центрполиграф, 2009. (Хроники военных сражений).
3. *Кокоулин В.Г., Михалин В.А.* Отечественная история и воспитание патриотизма // Гуманитарные проблемы военного дела. — 2014. — № 1. — С. 175–177.
4. *Соколов О.В.* Стратегия и тактика Наполеоновской армии. — М.: Университет «Синергия», 2018.